

Оливия Ли

ВИШНЁВЫЙ
сад
НА ГРОЗОВОМ УТЁСЕ

БЕРЕГ НАДЕЖДЫ

Ли Оливия
Вишневый сад на Грозовом
утесе. Берег надежды.
Серия «Вишневый сад на
Грозовом утесе», книга 3

*<https://litres.ru/74181889>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Можно ли найти себя, если оставить позади целую жизнь?

После всего, что им пришлось пережить, Оливия и Денис начинают всё сначала. Впереди — Америка. Новый континент, новые города, новые встречи. От шумных улиц Нью-Йорка до бескрайних дорог Юга они отправляются в путешествие, которое должно стать началом новой жизни.

Но иногда самые длинные дороги ведут не через страны, а через собственное сердце.

На этом пути им предстоит понять, что счастье не всегда приходит туда, где его ждут. Что прошлое невозможно забыть, но с ним можно научиться жить. И что настоящий дом — это не место на карте, а состояние души, которое ещё только предстоит обрести.

«Берег надежды» — третья книга цикла «Вишнёвый сад на Грозном утёсе». Это история о поиске себя в огромном мире, о любви, которая становится сильнее расстояний, и о путешествии, после которого уже невозможно вернуться прежним.

Но никто из них ещё не знает, что впереди их ждёт выбор, который навсегда изменит всё.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	20
Глава 3	26
Глава 4	33
Глава 5	51
Глава 6	57
Глава 7	66
Глава 8	75
Глава 9	87
Глава 10	112
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Ли Оливия

Вишневый сад на Грозном утесе. Берег надежды.

Пролог

*Безмолвен океан на раннем свете,
Но знает то, чего не знаем мы.
Порой полмира нужно человеку,
Чтоб отыскать начало своего пути.*
Оливия Ли

Человек рождается дважды.

Первый раз — когда появляется на свет.

Второй — когда впервые понимает, что мир гораздо больше его собственного дома.

Сначала этот мир помещается на страницах книг.

На старом школьном глобусе.

На географических картах, где океаны кажутся бесконечными, а далёкие страны — почти сказкой.

Потом однажды открывается дверь.

Самолёт поднимается над облаками.

И человек оказывается там, где ещё вчера никогда не был.

Он слышит незнакомые языки.

Видит другие города.

Другие лица.

Другие судьбы.

Ему кажется, что именно теперь начинается настоящая жизнь.

Но проходит время.

И оказывается, что путешествие меняет не карту мира.

Оно меняет самого человека.

Потому что каждый новый берег задаёт один и тот же вопрос.

Кто ты?

Не кем работаешь.

Не в какой стране живёшь.

Не на каком языке говоришь.

А кто ты, когда рядом нет ничего привычного.

Именно тогда человек начинает искать не новый город.

Он начинает искать самого себя.

Иногда этот путь приводит его очень далеко.

За океан.

В города, где небоскрёбы касаются облаков.

К берегам, где пальмы встречают восходящее солнце.

Туда, где кажется, будто весь мир лежит перед тобой.

И лишь спустя годы приходит понимание.

Путешествия нужны не для того, чтобы забыть свой дом.

Они нужны для того, чтобы однажды понять, что такое

Родина.

Глава 1

Выпускной

Майское солнце заливало старинный корпус университета мягким золотом.

Во дворе было шумно, светло и как-то особенно торжественно, будто сам воздух в этот день стал праздничным. У главного входа толпились родители, друзья, преподаватели, фотографы. Кто-то смеялся, кто-то уже плакал, кто-то бесконечно поправлял на выпускниках чёрные мантии и ленты с символом университета.

Денис стоял чуть в стороне, у каменной лестницы.

В руках у него был большой букет розовых пионов.

Не роз.

Не лилий.

Пионов.

Нежных, пышных, немного растрёпанных, таких же живых и солнечных, как она сама.

Он смотрел на распахнутые двери университета и впервые за долгое время чувствовал не тревогу, не ответственность, не усталость после смен, а тихое, почти мальчишеское волнение.

Три года.

Всего три года прошло с того дня, когда они стояли под цветущей вишней и верили, что впереди у них целая жизнь.

И вот эта жизнь уже началась.

Двери распахнулись шире, и на ступени хлынула шумная толпа выпускников.

Чёрные мантии.

Счастливые лица.

Дипломы в руках.

Ленты, развевающиеся на ветру.

Кто-то закричал:

— Ну что, ребята?!

Другой голос ответил:

— Мы сделали это!

И в следующую секунду над двором взлетели десятки чёрных академических шапочек.

— Ура-а-а!

Они летели вверх, в голубое майское небо, будто маленькие тёмные птицы, отпущенные на свободу.

Денис улыбнулся.

А потом увидел её.

Оливия стояла среди выпускников, прижимая к груди диплом. Рыжие волосы выбились из-под шапочки, глаза сияли так ярко, что ему на мгновение стало почти больно смотреть.

Она смеялась.

По-настоящему.

Свободно.

Счастливо.

Так, как смеются люди, которым кажется, что всё самое

трудное уже позади.

Денис сделал шаг вперёд.

Оливия заметила его не сразу. Сначала обняла какую-то девушку, потом что-то крикнула однокурсникам, подняла диплом над головой, снова засмеялась — и только потом её взгляд скользнул по толпе.

Остановился.

Нашёл его.

И всё вокруг для неё будто исчезло.

— Денис! — выдохнула она.

Она сбежала по ступеням, почти не глядя под ноги, с дипломом в одной руке и мантией, развевающейся за спиной.

Он едва успел раскрыть объятия.

Оливия влетела в них так стремительно, будто все эти три года снова сжались в один миг — в тот самый, когда она впервые поняла, что ее сердце навсегда принадлежит только ему.

— Я закончила, — прошептала она ему в плечо.

Денис крепче прижал её к себе.

— Я знаю.

— Нет, ты не понимаешь. Я правда закончила. Всё. Больше никаких экзаменов, никаких ночей над конспектами, никаких «ещё одну страницу, Денис, честно, последнюю».

Он тихо рассмеялся.

— Последняя страница у тебя обычно длилась до трёх утра.

Оливия отстранилась и посмотрела на него снизу вверх.

— Зато теперь у тебя образованная жена.

— У меня всегда была самая умная жена.

— Лстец.

— Врач. Мы редко льстим без диагноза.

Она засмеялась, а потом заметила букет.

— Это мне?

— Нет, — серьёзно сказал Денис. — Ректору. За то, что наконец тебя отпустил.

Оливия ударила его дипломом по плечу.

— Дурак.

Он протянул ей пионы.

— Поздравляю, Оливия Северина.

Она взяла букет осторожно, будто в руках у неё оказалось что-то хрупкое и бесконечно дорогое.

— Спасибо.

И вдруг глаза её заблестели.

— Эй, — тихо сказал Денис. — Только не плачь.

— Я не плачу.

— Конечно.

— Просто... — она вдохнула запах пионов и улыбнулась сквозь слёзы. — Просто я вдруг вспомнила, как приехала в тот город. Как думала, что всё закончилось. Что моя жизнь осталась где-то там, в прошлом.

Денис смотрел на неё молча.

Она провела пальцами по лепесткам.

— А оказалось, всё только начиналось.

Он наклонился и поцеловал её в лоб.

— Оливия! — раздался знакомый голос.

Она обернулась.

Катя уже спускалась по ступеням.

Следом за ней неторопливо шёл Кирилл с огромным букетом ярко-жёлтых тюльпанов и фотоаппаратом на шее.

— Ну наконец-то! — театрально всплеснул он руками. — Я уже решил, что Северины решили сбежать праздновать без нас.

— Мы вообще-то встретились минуту назад, — рассмеялась Оливия.

Кирилл внимательно посмотрел на Дениса.

— Не верю. У человека такое счастливое лицо бывает только после нескольких часов ожидания.

Катя лукаво улыбнулась.

— Он здесь с самого утра.

Оливия удивлённо посмотрела на мужа.

— Правда?

Денис пожал плечами.

— Не хотелось опоздать.

Все дружно рассмеялись.

Кирилл уже поднял фотоаппарат.

— Всё! Семейство Севериных — сюда! Иначе потом будете говорить, что у вас нет ни одной нормальной фотографии.

— Так, выпускники! Никто никуда не расходится! Сейчас будет исторический кадр, который лет через двадцать ваши дети будут рассматривать и смеяться над нашими причёсками!

— Особенно над твоей, — усмехнулся Денис.

— Завидуй молча.

Они выстроились рядом.

Щёлкнул затвор.

Потом ещё раз.

И ещё.

Все рассмеялись.

После фотографий толпа постепенно начала расходиться.

Денис неожиданно достал из кармана небольшую белую коробку.

Совсем простую.

Без банта.

Без открытки.

Он протянул её Оливии.

— Это тоже тебе.

Она удивлённо посмотрела сначала на коробку, потом на него.

— Денис...

— Только не открывай сейчас.

— Почему?

Он улыбнулся.

— Потому что иначе мы ещё час отсюда не уйдём.

Она подозрительно прищурилась.

— Ты опять что-то придумал?

— Посмотришь дома.

— Хотя бы намекни.

Он сделал вид, что задумался.

— Скажем так... для журналиста это очень нужная вещь.

— Блокнот?

— Нет.

— Диктофон?

— Уже теплее.

— Камера?

Он рассмеялся.

— Нет, Оливия.

Она покачала головой.

— Ты невозможный.

— Знаю.

Катя тут же вклинилась:

— Показывай!

— Нет! — одновременно ответили Денис и Оливия.

Все снова рассмеялись.

— Всё понятно. Семейные тайны. Нас, простых смертных, опять не посвятили.

Денис только пожал плечами.

— Терпи.

Когда-нибудь женишься — поймёшь.

— Спасибо, доктор, очень вдохновил.

Оливия всё ещё вертела коробку в руках.

Совсем не догадываясь, что вечером впервые возьмёт в ладони свой **первый смартфон**.

Оливия незаметно переплела свои пальцы с его.

— Теперь начинается новая глава.

Оливия подняла на него глаза.

— Какая?

Он выдержал паузу.

— Через четыре дня мы летим в Америку.

Она перестала улыбаться, но не от страха. Просто поняла, что сейчас он говорит не о поездке.

— К ней? — тихо спросила она.

Денис кивнул.

— К маме.

Слово прозвучало осторожно.

Почти непривычно.

Будто он всё ещё примерял его к себе и боялся, что оно не подойдёт.

Оливия взяла его за руку.

— Ты волнуешься?

Он хотел ответить сразу. Сказать: нет. Улыбнуться. Спрятаться за привычное спокойствие.

Но не стал.

— Да.

Оливия сжала его пальцы.

— Это нормально.

— Я не знаю, каким должен быть сын, который впервые видит мать взрослым человеком.

Она посмотрела на него так мягко, что у него что-то болезненно дрогнуло внутри.

— Просто будь собой.

— А если этого будет мало?

— Для любви? — спросила она. — Денис, для любви этого всегда достаточно.

Он молчал.

Где-то за их спинами снова кричали выпускники. Кто-то звал Оливию фотографироваться. В воздухе пахло цветами, тёплым камнем и листвой.

А он стоял посреди этого счастливого шума и думал о женщине за океаном, которая когда-то подарила ему жизнь, но не смогла быть рядом.

И о брате, которого он никогда не видел.

И о семье, которая существовала где-то там, за тысячи километров, пока его собственная жизнь учила его не ждать ни от кого тепла.

Оливия будто прочитала его мысли.

— Ты не один туда летишь, — сказала она.

Он посмотрел на неё.

— Я знаю.

Она улыбнулась.

— Вот и запомни. Если вдруг испугаешься — я буду рядом.

Денис усмехнулся:

— Ты? Защитишь меня от моей американской семьи?

— Ещё как. Я теперь дипломированный специалист.

— В журналистике, а не в семейной дипломатии.

— После трёх лет брака с тобой, Северин, я могу получить второй диплом без экзаменов.

Он рассмеялся.

И в этот момент тревога, сжавшая его грудь, немного отпустила.

Оливия подняла пионы к лицу, вдохнула их аромат и вдруг сказала:

— А знаешь... мне кажется, это будет хорошо.

— Что именно?

— Всё.

Она посмотрела на университет, на студентов, на небо, куда ещё недавно летели шапочки.

— Америка. Твоя мама. Брат. Новая жизнь. Всё.

Денис некоторое время молчал.

Потом произнёс:

— Мне предложили работу.

Оливия повернулась к нему.

— Где?

— В Нью-Йорке. Госпиталь.

Она замерла.

— Денис...

— Я ещё не согласился.

— Но хочешь?

Он отвёл взгляд.

— Не знаю.

Она улыбнулась.

— Врёшь.

Он посмотрел на неё.

— Хочу.

Тихо.

Честно.

Почти виновато.

Оливия ещё крепче прижала к себе пионы.

— Тогда мы посмотрим.

— Мы?

— Конечно, мы.

— Это другой мир, Оливия.

— Мы уже жили в разных мирах.

Он хотел возразить, но не смог.

Потому что она была права.

Их любовь уже проходила через чужие города, расстояния, молчание, смерть, шторм, страх и возвращение.

Америка была всего лишь новым берегом.

Пока ещё они не знали, что однажды именно этот берег станет для них самым светлым воспоминанием перед самой тёмной дорогой.

Пока ещё они стояли у входа университета.

Она — с дипломом и розовыми пионами.

Он — с тревогой, надеждой и будущим, которое только начинало открываться.

А над ними кружили последние брошенные в небо шапочки.

Глава 2

Дом

Москва встречала их привычным вечерним шумом.

За окнами машины неторопливо текла жизнь большого города. Люди спешили домой после работы, кто-то торопился к метро, кто-то нёс в руках цветы, кто-то, не обращая внимания на поток машин, разговаривал по телефону, улыбаясь чему-то своему.

Оливия сидела рядом с Денисом, держа в руках диплом, букет пионов и маленькую белую коробку.

Несколько раз она уже собиралась открыть её.

И каждый раз ловила на себе его спокойный взгляд.

— Даже не смотри так, — улыбнулась она.

— Как?

— Будто заранее знаешь, какая у меня будет реакция.

— Знаю.

— Самоуверенный.

— Есть немного.

Она тихо рассмеялась и снова посмотрела в окно.

Москва давно перестала казаться ей чужой.

Когда-то этот город пугал её своими размерами, бесконечными проспектами и скоростью жизни.

Теперь здесь был их дом.

Квартира встретила их привычной тишиной.

Едва переступив порог, Оливия с облегчением сбросила туфли.

— Всё... Больше я их никогда не надену.

Денис посмотрел на туфли.

— Тогда надевай белые кроссовки.

Оливия подняла на него глаза.

— Ты издеваешься?

— Нет. Просто у них уже есть историческая репутация.

Она не выдержала и рассмеялась.

— Северин...

— Что? Англия пережила. Москва тоже справится.

Продолжая смеяться, она подняла туфли и аккуратно поставила их в шкаф.

— Всё-таки ты невозможный.

— Зато предсказуемый.

— Это ещё хуже.

— Для кого?

— Для меня.

Она покачала головой и босиком пошла в гостиную.

Белая коробка всё ещё лежала на журнальном столике.

Оливия села рядом и осторожно сняла крышку.

Несколько секунд в комнате стояла тишина.

Потом она медленно подняла глаза.

— Денис...

Он улыбался.

— Ну?

Она снова посмотрела в коробку.

— Это же...

Она осторожно взяла телефон двумя руками.

Провела пальцем по гладкому стеклу.

Экран ожил.

— Ничего себе...

Она растерянно улыбнулась.

— Он... совсем без кнопок.

— Почти.

— И интернет прямо здесь?

— Да.

— И фотографии?

— Да.

— И почта?

— Да.

Она несколько секунд молча вертела телефон в руках.

Потом неожиданно подошла к Денису и крепко его обняла.

— Спасибо...

Он обнял её в ответ.

— Хорошему журналисту иногда достаточно одной секунды, чтобы оказаться в нужном месте раньше других.

Он кивнул на телефон.

— Думаю, теперь у тебя появился хороший помощник.

Оливия посмотрела ему в глаза.

— Самый лучший помощник сейчас стоит передо мной.

Он улыбнулся.

— Ты мне льстишь?

— Нет.

Она покачала головой.

— Просто говорю правду.

Вечером по всей квартире появились открытые чемоданы.

Оливия распахнула шкаф и начала складывать вещи.

Джинсы.

Свитеры.

Футболки.

Лёгкие платья.

Потом её рука неожиданно остановилась.

На самом краю шкафа висело длинное красное платье.

То самое.

Она осторожно сняла его с плечиков.

Ткань мягко скользнула по ладоням.

Денис сразу заметил её улыбку.

— Только не говори, что оно поедет с нами.

— Поедет.

— Я так и знал.

Она приложила платье к себе и посмотрела в зеркало.

— Красивое всё-таки.

— Опасное.

Она рассмеялась.

— До сих пор боишься?

— Нет.

— Тогда почему опасное?

Он пожал плечами.

— Потому что после него мне пришлось очень долго объяснять англичанам, что ты не специально.

Оливия улыбнулась.

— А я ведь правда тогда просто больше не могла ходить на каблуках.

— Угу.

— И вообще...

Она посмотрела на платье.

— По-моему, белые кроссовки ему даже шли.

Денис усмехнулся.

— Вот именно поэтому оно и опасное.

Она аккуратно сложила платье и положила его в чемодан.

— Решено.

— Я понял.

— Что?

— Спорить бесполезно.

Она победно улыбнулась.

— Наконец-то.

Денис открыл ноутбук.

На экране уже было открыто письмо из Нью-Йоркского госпиталя.

Оливия села рядом.

Медленно прочитала приглашение.

Потом условия контракта.

Потом ещё раз пробежала глазами последние строки.

— Красиво написали.

— Очень официально.

— Зато честно.

Она закрыла ноутбук.

— Ты счастлив?

Он немного подумал.

Потом кивнул.

— Да.

— Я так и думала.

Чемоданы всё ещё стояли открытыми.

За окном медленно зажигались огни вечерней Москвы.

Оливия долго смотрела в окно.

Потом тихо сказала:

— Знаешь...

Я ведь когда-то была уверена, что именно здесь закончится наше путешествие.

Денис посмотрел на неё.

— А оказалось?

Она улыбнулась.

— Оказалось, это была только пересадка.

Он подошёл к ней.

Молча взял её за руку.

И они ещё долго стояли у окна, наблюдая, как вечерняя Москва постепенно растворяется в тысячах тёплых огней.

Глава 3

Нью-Йорк

Автоматические двери терминала медленно разъехались в стороны.

И в ту же секунду Нью-Йорк сделал первый шаг навстречу.

Не глазами.

Воздухом.

Оливия остановилась.

Глубоко вдохнула.

И застыла.

Он был совсем другим.

Не похожим ни на московский, пахнущий пылью и раскалённым летом.

Ни на прохладный влажный воздух Лондона.

Этот был густым.

Тёплым.

В нём смешалось всё сразу — горячая резина, нагретый солнцем асфальт, едва уловимый запах авиационного топлива, влажный океанский ветер и что-то ещё...

Что-то, чему она пока не могла подобрать название.

Она вдохнула ещё раз.

Медленно.

Словно боялась потерять это ощущение.

— Что случилось? — тихо спросил Денис.

Она ещё несколько секунд молчала.

Потом улыбнулась.

— Не знаю...

Она снова вдохнула полной грудью.

— Здесь воздух пахнет по-другому.

Денис тоже вдохнул.

Пожал плечами.

— Воздух как воздух.

Она покачала головой.

— Нет.

Совсем нет.

Именно в этот момент рядом оглушительно просигналило жёлтое такси.

Потом ещё одно.

Где-то завывала полицейская сирена.

Кто-то громко смеялся.

Кто-то спорил сразу на двух языках.

Автобусы, машины, люди — всё двигалось одновременно, будто никто в этом городе никогда не умел идти медленно.

Оливия растерянно огляделась по сторонам.

— Они вообще когда-нибудь перестают сигналить?

Денис усмехнулся.

— Кажется, нет.

Она только покачала головой.

И вдруг рассмеялась.

Потому что этот шум почему-то совсем не раздражал.

Он жил.

Так же, как жил сам город.

Через несколько минут они уже сидели на заднем сиденье жёлтого такси.

Водитель молча уложил чемоданы в багажник, сел за руль и уверенно влился в бесконечный поток машин.

Город медленно разворачивался перед ними.

Сначала были обычные улицы.

Невысокие кирпичные дома.

Пожарные лестницы, зигзагами спускавшиеся по фасадам.

Крошечные магазинчики, вывески которых теснились одна над другой.

Парикмахерские.

Прачечные.

Пиццерии.

Китайские лавки.

Оливия почти не моргала.

Ей казалось, что она смотрит старое американское кино.

Не современное.

То самое.

Где детектив обязательно носит длинный плащ.

Где полицейские ездят на огромных машинах.

А Брюс Уиллис ещё молодой и снова кого-то спасает.

Она улыбнулась своим мыслям.

И вдруг заметила то, чего совсем не ожидала.

Между двумя высокими кирпичными домами, окна которых почти смотрели друг другу в стены, неожиданно показалось старое кладбище.

Небольшое.

Тихое.

С каменными крестами, едва различимыми за густыми деревьями.

Она проводила его взглядом.

И тихо сказала:

— Здесь даже мёртвые живут рядом с живыми людьми...

Денис посмотрел туда же.

Потом перевёл взгляд на неё.

— Наверное, здесь просто слишком мало места.

Она ничего не ответила.

Только снова посмотрела в окно.

Машина всё ехала вперёд.

Потом появились мосты.

Развязки.

Реки.

И вдруг...

Будто кто-то одним движением открыл огромный театральный занавес.

Перед ними вырос Манхэттен.

Оливия даже перестала дышать.

Небоскрёбы уходили в небо, отражая последние лучи за-

катного солнца.

Стекло.

Сталь.

Огонь.

Тысячи окон уже начинали светиться, словно кто-то одновременно зажёл целый город.

Такси медленно въехало на Бруклинский мост.

Оливия не могла отвести глаз.

Город казался невозможным.

Ненастоящим.

Слишком красивым, чтобы существовать на самом деле.

— Денис...

Он посмотрел на неё.

Но она уже не продолжила.

Потому что впервые за долгое время ей не хватило слов.

Такси свернуло на Манхэттен.

Поток машин стал ещё плотнее.

Высокие дома поднялись совсем близко.

Жёлтые такси мелькали со всех сторон.

Пар вырывался из решёток подземных коммуникаций.

Люди торопились так, будто каждая минута здесь стоила дороже, чем где-либо ещё на земле.

Через несколько кварталов машина остановилась у старого дома.

Швейцар в тёмной форме открыл дверь.

Денис вышел первым.

Потом помог выйти Оливии.

Она подняла голову.

Высокие окна.

Старый камень.

Тяжёлые латунные двери.

Будто этот дом помнил ещё Нью-Йорк сороковых годов.

Внутри пахло полированным деревом, старой латуной и временем.

Настоящим временем.

Тем, которое невозможно придумать.

Лифт оказался совсем маленьким.

С металлической решёткой вместо дверей и круглым стеклянным окошком.

Он медленно тронулся вверх, негромко постукивая где-то внутри старого механизма.

Оливия улыбнулась.

— Что? — спросил Денис.

Она огляделась вокруг.

Потом тихо сказала:

— Такое чувство, будто сейчас откроются двери... и на встречу выйдет Брюс Уиллис.

Денис рассмеялся.

— Или детектив из старого голливудского фильма.

— Именно.

Лифт тихо остановился.

Решётка со скрипом отъехала в сторону.

И Оливия вдруг поймала себя на мысли, что ещё никогда в жизни не испытывала такого странного ощущения.

Словно она не приехала в другой город, а вошла внутрь фильма, который когда-то смотрела десятки раз.

И почему-то была уверена, что знает его наизусть.

Хотя оказалась здесь впервые.

Глава 4

Утром Нью-Йорк оказался совсем другим.

Прошлым вечером он обрушился на них огнями, мостами, гудками такси и этим странным ощущением, будто они въехали не в город, а внутрь старого голливудского фильма.

А утром он просто жил.

Оливия стояла у огромного окна и смотрела вниз.

Прямо перед ней, посреди каменного океана небоскрёбов, лежал Центральный парк.

Не парк.

Целый мир.

Зелёный, шумный, живой.

По дорожкам уже бежали люди в ярких кроссовках. Кто-то катился на велосипеде. Женщина с тремя собаками пыталась распутать поводки. Пожилой мужчина сидел на скамейке с газетой. На пруду плавали утки. Где-то вдалеке звучал саксофон.

Оливия долго молчала.

Потом тихо сказала:

— Денис...

— Что?

Она улыбнулась, не отрывая взгляда от окна.

— Я как будто уже всё это видела.

Он подошёл и встал рядом.

— Где?

— В кино.

Она повернулась к нему с таким лицом, будто сама только что это поняла.

— Понимаешь? Это же не просто парк. Это же... Господи, как будто сейчас из-за дерева выйдет Кевин Маккалистер.

Денис рассмеялся.

— Именно он?

— Конечно. Или кто-нибудь признается кому-нибудь в любви на мостике. Или героиня будет бежать с кофе в руке, опаздывая на работу. Или старик будет играть в шахматы с незнакомцем.

Она снова посмотрела вниз.

— Я выросла на этих кадрах. А теперь они просто... внизу.

— Тогда пойдём внутрь твоего фильма?

Оливия улыбнулась.

— Пойдём.

В Центральном парке действительно было ощущение фильма.

Не потому, что всё было идеально.

А потому, что всё было живым.

На траве лежали студенты с книгами. Художник рисовал портрет темноволосой девушки. Рядом пожилые мужчины играли в шахматы, споря так серьёзно, будто от этой партии зависела судьба мира. Белки совсем не боялись людей и нагло выбегали на дорожки. По аллее медленно проехал экипаж

с лошастью, и Оливия проводила его взглядом.

— Это правда? — спросила она.

— Что?

— Лошадь. Экипаж. Прямо здесь.

— Правда.

— Нью-Йорк вообще нормальный город?

— Нет.

Она рассмеялась.

— Хорошо. А то я уже начала сомневаться.

Они долго шли по дорожкам.

Мимо пруда, где дети запускали маленькие кораблики.

Мимо музыканта, который играл на саксофоне так, будто не просил денег, а просто разговаривал с утром.

Мимо бегунов, которых было столько, что Оливия наконец не выдержала:

— Они вообще работают?

— Сегодня суббота.

— Даже в субботу бегать добровольно — это подозрительно.

— Привыкай. Здесь бег — почти религия.

— В России человек бежит утром только если опаздывает или если за ним кто-то гонится.

Денис улыбнулся.

— Запиши.

Она достала дневник.

Не телефон.

Тот самый дневник, который он когда-то подарил ей.

Провела пальцами по обложке, будто на секунду вернулась в другую жизнь, и быстро написала:

В Нью-Йорке люди не гуляют. Они движутся. Даже когда отдыхают.

Денис заглянул через плечо.

— Хорошо.

— Правда?

— Очень.

Она закрыла дневник и прижала его к себе.

— Мне кажется, я буду записывать всё.

— Всё не получится.

— Тогда самое странное.

— С Нью-Йорком это опасно. Придётся писать без остатков.

Первую нью-йоркскую пиццу Денис купил ей в маленькой пиццерии неподалёку от парка.

Обычная стеклянная витрина.

Никакой роскоши.

Никаких белых скатертей.

Только огромные круглые пиццы, запах горячего теста, томатного соуса и расплавленного сыра.

Оливия стояла перед витриной и не могла выбрать.

— Они все огромные.

— Это Нью-Йорк.

— Это уже не объяснение, Северин.

Через несколько минут они сидели у окна с двумя огромными треугольными кусками пиццы и бумажными стаканами американо.

Оливия подняла кусок, сыр потянулся длинной нитью, и она засмеялась.

— Так её правда едят руками?

— Да.

— Без ножа?

— Да.

— Без вилки?

— Оливия.

— Что?

— Ешь.

Она сделала откусила кусочек.

Потом закрыла глаза.

Денис с интересом наблюдал.

— Ну?

Она очень серьёзно посмотрела на него.

— Теперь я понимаю, почему этот город всё время куда-то бежит.

— Почему?

— Чтобы успеть за следующей пиццей.

Он рассмеялся.

Она отпила американо, поморщилась от крепости и снова открыла дневник.

Нью-Йорк пахнет горячим тестом, крепким кофе и

людьми, которым всегда некогда.

После парка Денис сказал:

— Хочешь увидеть другой Нью-Йорк?

Оливия подняла на него глаза.

— Другой — это какой?

— Поехали.

— Ты опять загадочный?

— Немного.

— Я начинаю подозревать, что это семейная болезнь Се-
вериных.

— Возможно.

Он не стал объяснять.

И через полчаса они уже спускались в метро.

Запах ударил почти сразу.

Резко.

Грязно.

Без всякой романтики.

Моча.

Сырость.

Горячий металл.

Старая пыль.

Тормозная гарь.

И что-то ещё тяжёлое, застоявшееся, будто сама подземка
давно перестала проветриваться и просто научилась жить со
всеми, что в неё принесли люди.

Оливия остановилась на ступеньках.

— Боже...

Денис посмотрел на неё.

— Что?

— Это метро?

Он кивнул.

Она молча пошла дальше.

Платформа была грязной.

Не старой — именно грязной.

На колоннах облупилась краска. На полу валялись стаканчики, обёртки, какие-то мокрые газеты. У стены сидел бездомный, закрыв лицо капюшоном. В углу что-то быстро шевельнулось.

Оливия резко повернула голову.

По краю платформы пробежала крыса.

Большая.

Спокойная.

Так уверенно, будто тоже куда-то ехала по своим делам.

На неё почти никто не обратил внимания.

Оливия машинально взяла Дениса за руку.

Крепко.

Он ничего не сказал.

Только сжал её пальцы в ответ.

Перед глазами у неё на секунду вспыхнуло московское метро.

Мрамор.

Люстры.

Чистые платформы.

Станции, похожие на дворцы.

Потом Лондон.

Узкие вагоны, аккуратные линии, холодная точность механизма.

А здесь...

Нью-Йоркская подземка не пыталась быть красивой.

Не пыталась быть удобной.

Не пыталась понравиться.

Она просто существовала.

Грубая.

Грязная.

Живая.

Поезд ворвался на станцию с таким грохотом, что Оливия вздрогнула.

В вагоне пахло не лучше.

Сиденья были потёртые. Пол липкий. На стенах следы старых надписей. В конце вагона мужчина в военной куртке громко разговаривал сам с собой, споря с невидимым собеседником. Иногда он вдруг повышал голос, и тогда люди рядом делали вид, что ничего не происходит.

На другой стороне стояли несколько молодых парней. Говорили громко. Смеялись. В их смехе не было ничего конкретно опасного, но Оливия всё равно почувствовала, как ей хочется стать меньше, незаметнее.

Она натянула капюшон чуть ниже.

Денис заметил.

Просто пересел ближе.

Так, чтобы его плечо касалось её плеча.

— Всё нормально, — тихо сказал он.

— Я знаю.

Но руку его не отпустила.

Когда они вышли на Брайтон-Бич, первым её встретил вовсе не океан.

Запах.

Тяжёлый, неприятный, с резкой нотой сероводорода.

Соль Атлантики была где-то рядом, но сначала пробивалось другое — сырость, мусор, старые стены, воздух под эстакадой.

Над головой с грохотом прошёл поезд.

Рельсы тянулись прямо между домами, так близко, что казалось, город построили не вокруг метро, а под ним.

Под эстакадой шумела улица.

Русская речь.

Русские вывески.

Аптеки.

Булочные.

Парикмахерские.

Магазины.

Реклама адвокатов, врачей, перевозок, сиделок, уроков английского.

На секунду Оливии показалось, что она должна почув-

ствовать что-то родное.

Но не почувствовала.

Вдоль тротуаров стояли горы чёрных мусорных мешков.

Ветер гонял пакеты по грязному асфальту.

У стены сидел бездомный.

Чуть дальше ещё один.

Потом ещё.

Люди проходили мимо так спокойно, будто давно перестали замечать всё это.

Оливия остановилась.

— Это совсем не похоже на Россию...

Денис посмотрел на неё.

Она медленно покачала головой.

— Странно. Говорят по-русски, вывески русские, магазины русские... а ощущения дома нет.

Она снова оглянулась.

— У нас нет таких улиц. Нет этих мусорных мешков под окнами. Нет метро над головой. Нет...

Она не договорила.

Потому что слово никак не находилось.

Потом достала дневник и написала:

Иногда новая жизнь пахнет не мечтой, а мусорными мешками под грохотом поездов.

Денис прочитал.

Ничего не сказал.

Женщину в старом драповом пальто Оливия заметила не

сразу.

Сначала — пальто.

Тёмное.

Когда-то, наверное, очень добротное.

С хорошим воротником, правильным кроем, аккуратными пуговицами.

Но ткань давно потеряла прежнюю плотность. На рукаве были маленькие следы моли. Подол чуть лоснился. На плече виднелась аккуратная, почти незаметная штопка.

И при этом женщина шла так прямо, с такой высоко поднятой головой, будто на ней было не старое пальто, а дорогая шуба.

Оливия вдруг почувствовала странное.

Не она носила пальто.

Пальто носило её.

Женщина остановилась у витрины русского магазина.

Оливия невольно задержала на ней взгляд.

Женщина это заметила.

— Вы недавно приехали? — спросила она вдруг.

Оливия растерялась.

— Да. Вчера.

— Из России?

— Из Москвы.

Женщина чуть усмехнулась.

— Из Москвы...

Она произнесла это так, будто речь шла не о городе, а о

времени, которое давно закончилось.

— И как там? Всё ещё тяжело?

Оливия не сразу поняла.

— Где?

— Там. У вас.

— В Москве?

— Ну да.

Оливия посмотрела на Дениса, потом снова на женщину.

— Нет... Москва очень изменилась.

— Изменилась?

В голосе женщины прозвучало недоверие.

— Да. Очень. Новые дороги, парки, рестораны, театры, торговые центры... город стал совсем другим.

Женщина смотрела на неё внимательно.

Почти строго.

— Девушка, вы о чём говорите?

Оливия замолчала.

— Я уехала в девяностые, — сказала женщина. — И ни разу не пожалела. Здесь жизнь. Здесь возможности. Здесь человек может жить нормально.

Она говорила уверенно.

Даже слишком уверенно.

— Конечно, — тихо сказала Оливия. — Наверное, тогда это действительно было спасением.

Женщина чуть подняла подбородок.

— Не наверное. Было. Я правильно сделала.

— Я не спору.

— Многие спорят. А потом всё равно хотят сюда.

Она поправила воротник своего старого пальто.

И Оливия вдруг почувствовала что-то странное.

Не жалость.

Нет.

Скорее тихую боль.

Потому что женщина говорила о счастье так, будто каждый раз заново доказывала его самой себе.

— А вы давно не были в России? — осторожно спросила Оливия.

Женщина посмотрела в сторону.

— Давно.

— Может быть, поэтому вам кажется, что она осталась такой же.

Та резко повернулась.

— А разве нет?

Оливия хотела ответить.

Рассказать.

Про вечернюю Москву.

Про огни.

Про людей.

Про университет.

Про весну.

Про то, что жизнь там тоже шла, менялась, росла, ошибалась, строилась заново.

Но не стала.

Потому что вдруг поняла: эта женщина спрашивала не для того, чтобы услышать ответ.

Она спрашивала, чтобы защитить свою собственную правду.

— Наверное, каждый помнит свою страну такой, какой он её оставил, — тихо сказала Оливия.

Женщина долго смотрела на неё.

Потом сухо улыбнулась.

— Вы молодая. Вам кажется, что вы всё понимаете.

Она повернулась и пошла дальше.

Очень прямо.

Очень достойно.

В старом драповом пальто, изъеденном молью.

Оливия долго смотрела ей вслед.

До океана они дошли молча.

Брайтон постепенно сменился Кони-Айлендом.

Стало просторнее.

Воздух изменился.

В нём появилась соль.

Холод.

Влага.

Атлантический океан был совсем не похож на южные моря из открыток.

Он был серый.

Тяжёлый.

Широкий.

Небо над ним висело низко, будто устало держаться.

На одной из скамеек у променада сидела девушка с гитарой.

Молодая.

Рыжеватые волосы трепал ветер.

Она пела негромко, будто не для прохожих, а для океана.

Оливия сначала не вслушалась.

А потом услышала знакомые слова.

Under different skies...

Денис замедлил шаг.

Совсем чуть-чуть.

Но она почувствовала.

Он смотрел на девушку с гитарой, а видел, кажется, совсем не её.

Видел другие города.

Другие письма.

Другие ночи.

То время, когда они действительно жили под разными небесами и не знали, смогут ли когда-нибудь снова оказаться рядом.

Оливия тихо сказала:

— Помнишь?

Он кивнул.

— Помню.

И больше они ничего не сказали.

Песня осталась позади.

Они дошли до скамейки и сели рядом.

Ветер трепал волосы Оливии, забирался под пальто, шевелил край её шарфа.

Денис смотрел на воду.

Оливия некоторое время молчала.

Потом спросила:

— Как думаешь... она счастлива?

Он не сразу ответил.

— Не знаю.

— Я не заметила счастья в ее глазах.

Он посмотрел на неё.

Оливия достала дневник, но писать не стала.

Просто держала его в руках.

— Мне кажется, иногда человек уезжает не только из страны, — сказала она. — Иногда он уезжает из времени. И потом всю жизнь живёт там, где его уже нет.

Денис молчал.

Океан шумел ровно и глухо.

Через несколько минут Оливия тихо спросила:

— Мы завтра поедem к твоей маме?

Денис не ответил.

Она повернулась к нему.

— Денис?

Он смотрел на серую воду.

— Нет.

— Почему?

Долгая пауза.

— Я пока не готов.

Оливия ничего не сказала.

Только ждала.

Он провёл ладонью по лицу.

— Понимаешь...

Голос его стал тише.

— Я всю жизнь разговаривал с мамой, которой больше не было.

Оливия почувствовала, как внутри у неё сжалось сердце.

— Для меня она была...

Он замолчал.

Потом с трудом продолжил:

— Запах её духов. Фотография. Могила. Несколько чужих воспоминаний. И всё.

Он усмехнулся без улыбки.

— Это странно, наверное.

— Нет.

— Я ездил к ней. Говорил с ней. Рассказывал то, чего не мог сказать никому.

Он снова посмотрел на океан.

— А теперь мне предлагают встретиться с живой женщиной, которую я совсем не знаю.

Оливия медленно накрыла его ладонь своей.

— Ты боишься?

Он долго молчал.

Потом честно ответил:

— Да.

Серый океан шумел перед ними.

Тяжёлый.

Холодный.

Бесконечный.

И впервые за этот день Нью-Йорк будто отступил.

Остались только:

ветер.

Скамейка.

Оливия и человек, который боялся встретиться с собственной матерью.

Она крепче сжала его руку.

Денис не посмотрел на неё.

Но пальцы его ответили.

И этого было достаточно.

Глава 5

Оливия проснулась и по привычке протянула руку.

Половина кровати рядом была уже пустой.

Она приоткрыла глаза.

За окном шумел город.

Не громко.

Где-то далеко протяжно просигналило такси.

Послышался гул машин.

Сирена.

Чей-то смех.

Она ещё несколько секунд лежала неподвижно.

Потом вдруг улыбнулась.

— Нью-Йорк...

Это слово прозвучало почти шёпотом.

Она села на кровати, накинула первую попавшуюся рубашку Дениса и босиком вышла из спальни.

— Денис?

Ответа не было.

Она медленно пошла по квартире.

Сначала — широкая гостиная.

Утреннее солнце уже заливало деревянный пол.

Свет ложился длинными полосами на большой диван, старый камин, книги, которые ещё вчера вечером никто не успел разобрать.

У стены стояли два чемодана.

Открытые.

Будто сами ещё не верили, что долетели.

Оливия улыбнулась.

Вчера она почти ничего не рассмотрела.

После променада сил хватило только открыть коробку с пищей, которую Денис заказал по дороге , принять душ и уснуть.

Теперь квартира постепенно оживала вместе с утром.

Из кухни доносился запах свежесваренного кофе.

Она пошла на него.

Денис стоял спиной к ней у огромного окна.

В одной руке кружка.

Другой он листал что-то в телефоне.

Даже дома он выглядел так, будто через десять минут ему нужно спасать чью-то жизнь.

Оливия тихо подошла сзади.

Обняла его.

Он сразу накрыл её руки своими.

— Доброе утро.

— Доброе...

Она прижалась щекой к его плечу.

— Я потеряла тебя.

— Я был на кухне.

— Уже вижу.

Он повернулся.

Посмотрел на неё.

Потом улыбнулся.

— Тебе идёт моя рубашка.

Она опустила глаза.

— Знаю.

Поэтому и надела.

Он тихо рассмеялся.

— Идём.

— Куда?

— Покажу кое-что.

Она сразу насторожилась.

— Северин...

— Что?

— После наших путешествий я начинаю бояться этой фразы.

— На этот раз всё безопасно.

— Ты обещаешь?

— Почти.

Она подозрительно посмотрела на него.

— Слово "почти" мне уже не нравится.

Он только улыбнулся и пошёл по коридору.

Остановился возле одной из дверей.

Открыл её.

Оливия заглянула внутрь.

И совершенно искренне сказала:

— Какой у нас огромный шкаф...

Денис прислонился плечом к дверному косяку.

Несколько секунд молча смотрел на неё.

Потом всё-таки не выдержал.

— Лив...

Она обернулась.

— Что?

— Это не шкаф.

— А что?

— Гардеробная.

Она снова посмотрела внутрь.

Потом сделала шаг.

Ещё один.

И медленно пошла вдоль длинных рядов одежды.

Платья.

Пальто.

Костюмы.

Рубашки.

Большие зеркала.

Высокие шкафы.

Она остановилась.

— Подожди...

Она повернулась к нему.

— Это всё...

— Наше.

Она улыбнулась.

И продолжила идти дальше.

Открыла обувной шкаф.

Замерла.

Потом медленно посмотрела на Дениса.

На полке стояло много белых кроссовок.

Она молча смотрела на них несколько секунд.

Потом перевела взгляд на него.

— Северин...

Он едва заметно улыбнулся.

— На всякий случай.

Она закрыла лицо ладонью.

И рассмеялась.

Так искренне, что смех разнёсся по всей гардеробной.

— Ты невозможный...

— Знаю.

Она подошла к нему.

Обняла.

— Спасибо.

— За что?

Она оглянулась на гардеробную.

Потом снова посмотрела ему в глаза.

— За то, что ты всегда думаешь на несколько шагов вперёд.

Он ничего не ответил.

Только легко поцеловал её в лоб.

Потом посмотрел на часы.

— Одевайся.

Она подозрительно прищурилась.

— Зачем?

— На пробежку.

— В семь утра?

— У меня для тебя сюрприз.

Она тяжело вздохнула.

— Почему мне кажется, что после этой фразы моя жизнь никогда уже не будет спокойной?

Денис улыбнулся.

— Потому что ты вышла замуж за меня.

Глава 6

Утро оказалось неожиданно прохладным.

Оливия застегнула олимпийку почти до самого подбородка и недовольно посмотрела на Дениса.

— Напомни, пожалуйста... Почему нормальные люди в семь утра ещё спят, а мы уже куда-то бежим?

Денис только улыбнулся.

— Идём.

— Очень содержательный ответ.

Они вышли из дома и неторопливо направились в сторону Центрального парка.

Город только просыпался.

У входа в небольшую кофейню уже выстроилась очередь.

Курьер на велосипеде пронёсся мимо, едва не задев прохожих.

Нью-Йорк входил в новый день с той же скоростью, с какой жил всегда.

Через несколько минут они оказались в парке.

Утренние дорожки уже были заполнены людьми.

Кто-то бежал в наушниках.

Кто-то выгуливал собак.

Пожилые супруги неспешно шли, держась за руки.

Несколько человек занимались йогой прямо на траве.

Здесь город словно отступал на второй план.

Казалось, у Центрального парка было собственное время.
Несколько минут они бежали молча.

Оливия давно заметила одну особенность Дениса.

Если он молчал — значит, думал.

Если улыбался — значит, уже всё решил.

Именно поэтому она почти сразу заметила, что сегодня он ведёт себя странно.

Он уже третий раз посмотрел на часы.

Потом ещё раз.

И снова.

Она улыбнулась.

— Так...

Он сделал вид, что не услышал.

— Северин.

— М-м?

— Ты кого-то ждёшь.

Он посмотрел вперёд.

— С чего ты взяла?

— Потому что за последние пять минут ты посмотрел на часы чаще, чем за весь вчерашний день.

Он едва заметно усмехнулся.

— А ты наблюдательная.

— Очень.

Они свернули с широкой аллеи на узкую дорожку.

— Мы же только что могли бежать прямо.

— Могли.

— Тогда почему свернули?

— Так ближе.

Она подозрительно посмотрела на него.

— К чему ближе?

Он промолчал.

— Денис.

— Что?

— Мне уже начинать волноваться?

— Нет.

— Тогда почему ты молчишь?

Он снова посмотрел на часы.

Потом вперёд.

И впервые за всё утро улыбнулся по-настоящему.

— Потому что он никогда не опаздывает.

Оливия остановилась.

— Кто?

Ответить Денис не успел.

За её спиной раздался знакомый голос.

Немного хриловатый.

С мягким шотландским акцентом.

— Och, lass...

У Оливии словно замерло сердце.

Нет...

Этого не может быть.

Этот голос невозможно было забыть.

Она медленно обернулась.

Несколько секунд просто смотрела.

Не веря собственным глазам.

А потом вдруг сорвалась с места.

— Роберт!

Он едва успел раскрыть руки, как она крепко его обняла.

Так крепко, что он негромко рассмеялся.

— Easy, lass... Easy...

Она отступила на шаг.

Снова посмотрела на него.

И снова обняла.

— Господи...

— Привет, lass.

— Не может быть...

— Может.

Она покачала головой, всё ещё улыбаясь.

— Что ты здесь делаешь?

Роберт удивлённо перевёл взгляд на Дениса.

— А он разве ничего тебе не сказал?

Оливия медленно повернулась.

Денис стоял чуть поодаль, засунув руки в карманы спортивной куртки, и с нескрываемым удовольствием наблюдал за происходящим.

Она прищурилась.

— Северин...

— Что?

— Это был твой сюрприз?

Он кивнул.

— Да.

Она подошла к нему и несильно толкнула его кулаком в плечо.

— Я ведь правда поверила, что мы вышли на пробежку.

— Мы и вышли на пробежку.

Роберт рассмеялся.

— Aye... Dennis is tellin' the truth, lass. Ye're just runnin' in better company today.

Оливия покачала головой.

— Вы оба совершенно невозможные.

— Спасибо, — одновременно ответили Денис и Роберт.

Они переглянулись.

И рассмеялись.

Оливия только обречённо вздохнула.

— Всё ясно.

Теперь вас двое.

Роберт широко улыбнулся.

— Three years apart... and ye still ken me well, lass.

Они медленно пошли по дорожке парка.

И только теперь, когда первые эмоции понемногу улеглись, Оливия поймала себя на мысли, что всё ещё не может поверить в происходящее.

Ещё позавчера она была в Москве.

А сегодня утром, в самом сердце Нью-Йорка, рядом с ней снова шли двое людей, которых она любила по-настоящему.

Один был её мужем.

Другой — другом, которого, как ей казалось, она ещё очень долго не увидит.

И это утро вдруг стало ещё счастливее, чем несколько минут назад.

Будто никто из троих никуда не спешил.

Несколько минут говорили одновременно, перебивая друг друга.

— Нет, подожди...

— Нет, сначала ты расскажи!

— Lass, дай мне хоть слово вставить!

Оливия рассмеялась.

— Вот! Вот теперь это точно Роберт.

— А ты сомневалась?

— Немного.

— Обидно.

— Зато теперь нет.

Они свернули с дорожки и вышли на небольшую поляну.

Трава ещё блестела от утренней росы.

Роберт первым опустился прямо на газон.

— Нью-Йорк хорош тем, что здесь никто не смотрит на тебя странно, если ты решил сесть на траву.

— После Лондона это непривычно, — улыбнулась Оливия.

— После Шотландии тоже.

Денис молча сел рядом.

Оливия устроилась напротив них.

Только теперь она по-настоящему посмотрела на Роберта.

За три года он изменился.

Не резко.

Не настолько, чтобы она не узнала его.

Просто...

Повзрослел.

Лицо стало строже.

Во взгляде появилась спокойная уверенность человека, который уже давно не ищет своё место в жизни — потому что нашёл его.

Но улыбка...

Улыбка осталась прежней.

Тёплой.

Немного мальчишеской.

А взгляд был тем же, как три года назад.

— Что? — спросил Роберт, заметив её взгляд.

Оливия улыбнулась.

— Просто смотрю.

— И?

Она покачала головой и удивлённо посмотрела на них.

— Вы что, всё это время общались?

Оба одновременно посмотрели друг на друга.

Потом на неё.

И одновременно ответили:

— Конечно.

Она несколько секунд молчала.

Потом медленно произнесла:

— То есть...

Я одна ничего не знала?

Роберт виновато улыбнулся.

— Прости, lass.

— Нет уж.

Она посмотрела сначала на одного.

Потом на другого.

— Я начинаю понимать, что мужская дружба — это какой-то международный заговор.

— Именно, — совершенно серьёзно кивнул Роберт.

— Не спорь, Денис.

— Я и не собирался.

Она только всплеснула руками.

— Потрясающе.

Два заговорщика.

Нашли друг друга.

Роберт засмеялся так громко, что на соседней дорожке обернулись люди.

— Господи, как же я скучал по тебе, lass...

И вдруг сказал уже совсем тихо:

— Очень скучал.

Оливия перестала улыбаться.

Наклонилась вперёд.

И снова крепко его обняла.

— Я тоже, Роберт.
Очень.

Глава 7

— Ну что, дети...

Роберт поднялся с травы и, по своей старой привычке, стряхнул с ладоней невидимые пылинки.

— Пробежка окончена.

Теперь начинается самое интересное.

Оливия подняла брови.

— Опять сюрприз?

— Нет.

Он улыбнулся.

— Экскурсия.

— С тобой?

— А что тебя смущает?

Она посмотрела на Дениса.

— Его я хотя бы уже знаю.

— Lass...

— Вот сейчас было обидно.

— Не верю.

— И правильно.

Денис только тихо усмехнулся.

Они медленно пошли по аллее.

Роберт шагал чуть впереди, время от времени здороваясь с людьми, которые попадались навстречу.

— Ты уже всех здесь знаешь? — удивилась Оливия.

— Почти.

— Серьёзно?

— Нью-Йорк — странный город.

Здесь можно прожить десять лет и не знать соседа по лестничной клетке.

А можно месяц покупать кофе у одного бариста — и он уже будет спрашивать, почему ты сегодня грустный.

— Похоже на тебя.

— Именно поэтому я здесь и прижился.

Оливия улыбнулась.

Она вдруг поймала себя на мысли, что Роберт действительно изменился.

В Лондоне он всё время был в движении.

Шутил.

Смеялся.

Махал руками так, словно разговаривал сразу со всем миром.

Теперь всё это осталось.

Но стало спокойнее.

Увереннее.

Будто жизнь наконец перестала быть бесконечной гонкой.

Он говорил негромко.

Не спешил.

— Ну?

Он неожиданно повернулся.

— Что скажешь?

Она улыбнулась.

— Ты изменился.

— Неужели постарел?

— Нет.

Повзрослел.

Роберт театрально вздохнул.

— Dennis...

Он повернулся к Денису.

— Lass только что официально назвала меня старым.

— Нет, — спокойно ответил Денис.

— Она сказала "повзрослел".

— Это ещё хуже.

Оливия рассмеялась.

— Ничего подобного.

Роберт покачал головой.

— Не верь ей.

Женщины всегда начинают с "ты повзрослел".

Потом появляется "тебе нужно носить шарф".

А заканчивается всё словами "кажется песок посыпался".

— Не драматизируй.

— Lass...

Он серьёзно посмотрел на неё.

— Мне уже тридцать.

Я имею право драматизировать.

Они снова рассмеялись.

Денис молча шёл рядом.

Иногда поглядывал на них.

И Оливия вдруг поняла, что давно не видела его настолько расслабленным.

Без больницы.

Без операций.

Без бесконечных звонков.

Он был рядом со старым другом.

И просто отдыхал.

Роберт неожиданно остановился возле небольшого уличного киоска.

— Кофе?

— Конечно, — ответила Оливия.

— Dennis?

— Американо.

— Как всегда.

Через несколько минут они уже снова шли по парку с бумажными стаканами в руках.

Роберт сделал глоток.

Поморщился.

— Вот единственное, что американцы так и не научились делать...

— Что? — спросила Оливия.

— Нормальный кофе.

Денис усмехнулся.

— С этим трудно спорить.

— После Италии вообще невозможно.

Оливия сделала глоток.

И скривилась.

— Господи...

— Вот видишь.

Роберт довольно улыбнулся.

— Добро пожаловать в Америку.

Она рассмеялась.

— И ты пьёшь это уже три года?

— Нет.

Я страдаю уже три года.

Роберт бросил пустой стаканчик в урну, даже не глядя.

Попал.

Оливия покачала головой.

— Повезло.

— Это опыт.

— Или везение.

— Lass, шотландцам всегда везёт.

— Да?

— Конечно.

— А если не везёт?

— Значит, мы просто делаем вид, что именно так и было задумано.

Денис тихо усмехнулся.

— Вот этому тебя жизнь действительно научила.

— Не жизнь.

Роберт поправил воротник пальто.

— Америка.

Оливия внимательно посмотрела на него.

— Тебе здесь нравится?

Он ответил не сразу.

Несколько секунд молча шёл рядом.

Потом кивнул.

— Да.

— Настолько...

— Настолько, что три года назад решил не возвращаться.

— И ни разу не пожалел?

Он улыбнулся.

— Жалел.

Много раз.

Она удивлённо подняла глаза.

— Правда?

— Конечно.

Когда заболел.

Когда впервые встречал Рождество один.

Когда понял, что ближайшие родственники находятся в пяти тысячах километров отсюда.

Когда очень захотелось просто поговорить с кем-нибудь по-русски.

Он сделал небольшую паузу и посмотрел на друга.

— А потом просыпаешься утром.

Выходишь на улицу.

И понимаешь...

Это уже твой город.

Оливия задумчиво посмотрела вперёд.

— Интересно...

— Что?

— Можно ли вообще назвать чужой город своим?

Роберт улыбнулся.

— Можно.

Но только если однажды перестаёшь замечать, что он чужой.

Несколько секунд они шли молча.

Потом Денис неожиданно спросил:

— Работа нравится?

Роберт тихо рассмеялся.

— Ты всё тот же.

— В смысле?

— У тебя всегда самые практичные вопросы.

— Так нравится?

— Очень.

— Где ты сейчас?

— В British American Tobacco.

Оливия удивлённо посмотрела на него.

— Серьёзно?

— Угу.

— И кем?

— Начинал аналитиком.

Теперь руковожу направлением по северо-восточному ре-

гиону.

— Ничего себе...

Он пожал плечами.

Будто говорил о совершенно обычных вещах.

— Просто много работал.

— Скромничает, — спокойно сказал Денис.

Роберт махнул рукой.

— Dennis, не начинай.

— Почему?

— Потому что сейчас ты начнёшь меня рекламировать.

— А что, нельзя?

— Нельзя.

Lass потом решит, что я зануда.

— Уже поздно, — улыбнулась Оливия.

— Почему?

— Я тебя слишком давно знаю.

Он театрально вздохнул.

— Всё.

Репутация окончательно испорчена.

Они снова рассмеялись.

Роберт вдруг остановился возле чугунной ограды.

За ней начиналось небольшое озеро.

По воде медленно скользили утки.

Несколько детей кормили их хлебом.

Он облокотился на перила.

— Знаешь...

— Что? — спросила Оливия.

— Я очень рад, что вы приехали.

На этот раз в его голосе уже не было ни шуток, ни привычной лёгкости.

— Правда рад.

Потому что последние три года...

Он посмотрел сначала на Дениса.

Потом на Оливию.

— Мне вас очень не хватало.

Денис молча положил руку ему на плечо.

— Нам тоже.

Роберт улыбнулся.

Глаза его вдруг стали совсем другими.

— Спасибо...

За то, что не забыли своего старика.

Глава 8

Дверь за Денисом закрылась тихо.

Настолько тихо, что этот едва слышный щелчок вдруг показался Оливии самым громким звуком во всей квартире.

Она ещё несколько секунд стояла в прихожей.

Неподвижно.

Будто ждала, что сейчас он снова откроет дверь, улыбнётся своей чуть виноватой улыбкой и скажет:

— Забыл телефон.

Но за дверью уже шумел лифт.

Потом наступила тишина.

Настоящая.

Большая.

Она медленно подошла к окну.

Манхэттен уже проснулся.

Внизу текла бесконечная человеческая река.

Жёлтые такси.

Автобусы.

Люди с бумажными стаканами кофе.

Кто-то почти бежал.

Кто-то разговаривал по телефону.

Кто-то смеялся.

Этот город не спрашивал, готов ли ты к новому дню.

Он просто начинал его.

И увлекал за собой всех.

Оливия прислонилась лбом к холодному стеклу.

«Интересно...»

«Сколько людей сейчас счастливы?»

«Сколько возвращаются домой?»

«Сколько, как и я, начинают жизнь заново?»

Она смотрела вниз и вдруг поймала себя на странной мысли.

Ещё несколько лет назад ей казалось, что счастье живёт где-то очень далеко.

За океаном.

В Америке.

В Лондоне.

В красивых фильмах.

В чужой жизни.

Потом появился Денис.

И оказалось, что счастье никогда не зависело от страны.

Оно однажды просто посмотрело на неё глазами цвета янтаря.

Она улыбнулась.

Тихо.

Почти незаметно.

— Как же я тебя люблю...

Слова растворились в шуме города.

Она ещё долго стояла у окна.

Потом вдруг поняла, что ждёт.

Ждёт вечера.

Ждёт его звонка.

Ждёт, когда повернётся ключ в замке.

И неожиданно испугалась.

Не одиночества.

Нет.

Другого.

Она испугалась однажды перестать быть собой.

Раствориться в счастливой жизни настолько, что забыть,
кем была раньше.

Она любила Дениса больше жизни.

Но ведь когда-то была ещё и Оливией.

Девушкой, которая мечтала стать журналистом.

Которая спорила с преподавателями.

Которая могла не спать всю ночь, заканчивая статью.

Которая верила, что однажды будет рассказывать людям
правду.

«Куда делась та девчонка?..»

Вопрос прозвучал неожиданно.

И почему-то больно.

Она резко отвернулась от окна.

— Нет.

Так нельзя.

Нужно выйти.

Иначе этот город так и останется для меня видом из окна.

Через несколько минут она уже шла по улице.

Без цели.

Без маршрута.

Просто туда, куда вели ноги.

Воздух был удивительно свежим.

Лёгкий ветер перебирал кроны деревьев Центрального парка.

Она вошла в него медленно.

Не как турист.

Как человек, который впервые оказался наедине с собой.

Парк жил своей жизнью.

Кто-то бежал.

Кто-то читал книгу, сидя прямо на траве.

Пожилая женщина кормила белок.

Молодой отец учил сына кататься на велосипеде.

Она смотрела на этих людей и думала, что у каждого из них есть своя история.

Своя радость.

Своя боль.

Свои потери.

И вдруг поняла, почему всегда любила журналистику.

Не из-за газет.

Не из-за громких заголовков.

Из-за людей.

Ей всегда было интересно, что скрывается за чужой улыбкой.

Какая жизнь стоит за случайной встречей.

Какие мечты прячутся за обычным лицом.

Она медленно вышла к Пятой авеню.

И остановилась.

Высокие дома уходили в небо.

Солнечный свет отражался в стекле так ярко, что приходилось щуриться.

Мир вокруг казался одновременно настоящим и совершенно невероятным.

Она шла вдоль витрин, будто перелистывала страницы собственного детства.

Вот магазин, который столько раз мелькал в кино.

Вот перекрёсток, который она помнила ещё школьницей.

Вот улица, по которой когда-то бежали герои фильмов, под которые она засыпала вечерами.

И вдруг...

Tiffany.

Она остановилась.

Долго смотрела на бирюзовые коробочки за стеклом.

И неожиданно улыбнулась.

Перед глазами всплыла Одри Хепбёрн.

Кофе.

Круассан.

Чёрное платье.

«Завтрак у Тиффани».

Когда-то ей казалось, что всё это существует только в ки-

но.

Что Нью-Йорк — это выдумка режиссёров.

Красивая сказка.

Теперь сказка пахла горячим асфальтом.

Свежим кофе.

Парфюмом прохожих.

Весенним ветром.

И была настоящей.

Она пошла дальше.

И вдруг почувствовала, что улыбается совершенно без причины.

Потому что мечты иногда всё-таки сбываются.

Но...

Она вдруг остановилась.

«И что дальше?..»

Этот вопрос пришёл неожиданно.

Так же неожиданно, как утреннее солнце, отражавшееся в стеклянных фасадах.

Да.

Она здесь.

Она рядом с человеком, которого любит.

Она живёт в городе, о котором мечтала.

Но...

Кто она теперь?

Не туристка.

Не студентка.

Не просто жена Дениса Северина.

Кто?

Ответа не было.

Именно в этот момент она поняла, что искать его придётся самой.

Домой она возвращалась медленно.

Совсем другой дорогой.

Теперь город уже не казался чужим.

Но и своим ещё не стал.

Он будто присматривался к ней.

А она — к нему.

Квартира встретила её тишиной.

Она сняла кроссовки.

Поставила чайник.

Достала дневник.

Долго смотрела на чистую страницу.

Потом написала всего одну строчку:

"Сегодня я впервые поняла, что переехать в другую страну гораздо легче, чем научиться в ней жить."

Она закрыла дневник.

Подняла глаза.

И вдруг снова вспомнила Дениса.

Каждый раз, когда разговор заходил о матери, в его взгляде появлялась такая же пустота, какую она сегодня увидела в себе.

Человек может уехать за океан.

Может начать новую жизнь.

Может стать успешным.

Но есть двери, которые невозможно закрыть, просто захлопнув их.

Она долго сидела неподвижно.

Потом взяла телефон.

Нашла номер.

Палец замер над экраном.

— Прости меня, Денис...

Тихо прошептала она.

И нажала кнопку вызова.

...

В трубке слышались длинные гудки.

И с каждым из них ей казалось, что сейчас изменится не только жизнь Дениса.

Но и их собственная.

В трубке слышались длинные гудки.

Один.

Второй.

Третий.

Оливия уже хотела нажать кнопку отбоя.

«Что я вообще делаю?...»

«Кто я такая, чтобы вмешиваться?...»

Четвёртый гудок.

Пятый.

Она уже почти убрала телефон от уха, когда в трубке на-

конец послышался тихий женский голос.

— Алло...

Совсем негромкий.

Усталый.

Будто человек не был уверен, что этот звонок вообще предназначался ему.

Оливия вдруг почувствовала, как пересохло во рту.

Она столько раз представляла себе эту женщину.

Столько раз пыталась понять её.

Осудить.

Оправдать.

Но сейчас...

Сейчас она слышала просто голос.

Обычный женский голос.

И это почему-то оказалось самым неожиданным.

— Здравствуйте...

Она замолчала.

На секунду показалось, что слова исчезли.

— Простите... меня зовут Оливия.

В трубке наступила тишина.

Очень долгая.

Настолько долгая, что Оливия уже решила, будто связь оборвалась.

Потом женщина тихо спросила:

— Оливия...

Вишневская?

Она невольно улыбнулась.

— Уже Северина.

За этими словами снова наступило молчание.

И вдруг...

Она услышала, как женщина тихо всхлипнула.

Не громко.

Будто сама испугалась собственных слёз.

— Значит...

Он всё-таки счастлив...

Оливия закрыла глаза.

Почему-то именно эти слова вдруг больно сжали сердце.

Не обвинение.

Не оправдание.

А простая материнская мысль.

«Он счастлив.»

Она тихо ответила:

— Да.

Очень.

И я тоже.

Женщина долго молчала.

Потом почти шёпотом сказала:

— Спасибо...

Оливия растерялась.

— За что?

— За то, что любите моего сына.

Снова повисла тишина.

За окном продолжал шуметь Манхэттен.

Где-то далеко просигналила машина.

А в этой квартире вдруг стало так тихо, словно весь огромный Нью-Йорк перестал существовать.

— Простите... — осторожно произнесла Оливия. — Наверное, мой звонок кажется вам странным.

— Нет.

Совсем нет.

Честно говоря...

Я столько лет мечтала однажды услышать хоть кого-нибудь...

Кто знает Дениса.

Оливия крепче сжала телефон.

— Он ничего не знает об этом звонке.

— Я догадалась.

— И... если вы скажете, что не хотите разговаривать... я пойму.

Женщина тихо вздохнула.

— Нет.

Я хочу.

Очень хочу.

Просто...

Я не знаю, с чего начать.

Оливия подошла к окну.

Посмотрела на город.

Потом тихо сказала:

— Тогда давайте начнём сначала.

Расскажите мне...

Каким Денис был маленьким?

Глава 9

Вечерний Нью-Йорк никогда не умел быть тихим.

Даже там, высоко над улицей, за плотным стеклом больших окон, он всё равно проникал в квартиру — гулом машин, далёкими сиренами, жёлтым мерцанием такси, бегущим светом реклам, отражённых в тёмном небе. Казалось, этот город не знал усталости. Он мог менять одежду — дневную на вечернюю, деловую на праздничную, стеклянную на неоновую, — но не умел останавливаться.

Оливия сидела у окна и смотрела вниз.

На журнальном столике лежал открытый дневник. На странице была всего одна строчка, написанная ещё днём:

Переехать в другую страну легче, чем научиться в ней жить.

Она долго смотрела на эти слова, а потом закрыла дневник.

Бывают дни, которые кажутся обычными только снаружи.

Человек просыпается, провожает любимого на работу, пьёт кофе, идёт по незнакомой улице, останавливается у витрины, вспоминает старый фильм, возвращается домой — и всё будто бы просто. Но внутри в этот самый день что-то незаметно сдвигается.

Маленький камень, лежавший годами на своём месте,

вдруг трогается, и вслед за ним начинается сходить целая лавина.

Оливия не знала, была ли права.

Эта мысль мучила её с той самой минуты, как она нажала кнопку вызова.

Голос женщины в трубке оказался совсем не таким, каким она представляла.

Не холодным.

Не виноватым.

Не чужим.

Уставшим.

Очень тихим.

И когда Оливия спросила: «Каким он был маленьким?» — на другом конце повисло такое молчание, будто она нечаянно дотронулась до раны, которую двадцать лет никто не решался открыть.

Она остановила разговор.

Не потому, что испугалась.

Нет.

Потому что вдруг ясно поняла: дальше без Дениса нельзя.

Есть двери, которые можно открыть только изнутри.

И всё же саму ручку этой двери она уже повернула.

В прихожей щёлкнул замок.

Оливия подняла голову.

Этот звук был ещё новым для их американской жизни, но уже успел стать самым желанным звуком дня. Она вышла

ему навстречу раньше, чем успела подумать.

Денис стоял у двери, снимая пиджак. Волосы были немного растрёпаны после улицы, галстук ослаблен, на лице лежала усталость первого рабочего дня — не сонная и не раздражённая, а глубокая, собранная, почти молчаливая.

Но глаза у него светились.

Не тем мальчишеским восторгом, с которым смотрят на сбывшуюся мечту издалека.

Иначе.

Спокойнее.

Тише.

Так светятся люди, когда понимают: они наконец вошли в ту жизнь, к которой шли слишком долго.

— Ну? — спросила она.

Он посмотрел на неё.

И улыбнулся.

— Я дома.

Она подошла и обняла его.

Денис прижал её к себе крепко, почти устало. На несколько секунд он словно перестал быть врачом, взрослым мужчиной, человеком, который весь день держал себя в руках. Он просто вернулся домой.

И она впервые почувствовала, как много может значить это простое слово — домой — в чужой стране.

— Как всё прошло? — спросила она.

— Хорошо.

— Просто хорошо?

Он усмехнулся.

— Очень хорошо.

Она отстранилась и внимательно посмотрела на него.

— Ты счастлив.

Он не стал отрицать.

Не стал шутить.

Только кивнул.

— Да.

Они прошли на кухню.

Оливия поставила перед ним ужин. Он ел медленно, будто тело требовало еды, а мысли всё ещё оставались там — среди белого света операционной, голосов, мониторов, металлического блеска инструментов.

— Расскажешь? — спросила она.

Денис поднял глаза.

— О первом дне?

— О нём.

Он немного помолчал.

У него была такая привычка: самые важные вещи он никогда не отдавал сразу. Словам нужно было пройти через него, устояться, найти форму, в которой их можно было произнести.

— Госпиталь огромный, — сказал он наконец. — Но не в этом дело.

— А в чём?

— В ощущении.

Он отложил вилку.

— Там все очень быстро понимают, кто ты есть. Не по фамилии. Не по рекомендациям. Не по тому, откуда приехал. В операционной всё лишнее снимается так же быстро, как верхняя одежда перед входом.

Он посмотрел на свои руки.

Оливия знала эти руки. Сильные, спокойные, надёжные. Руки, которые держали её в шторм. Руки, которые когда-то закрывали ей лицо от ветра. Руки, которые могли быть нежными до невозможности — и через несколько часов держать человеческую жизнь на тончайшей грани.

— Было сложно?

Он коротко улыбнулся.

— Было серьёзно.

Она поняла, что это значит.

Сложно.

Ответственно.

До предела.

Но он никогда не любил драматизировать то, что считал своей работой.

— Они приняли тебя?

Денис не ответил сразу.

— Врачи не принимают словами.

— А как?

— Молчанием после операции.

Она улыбнулась.

— И было молчание?

Он посмотрел на неё.

В глазах мелькнуло что-то почти юное.

— Было.

Она тихо рассмеялась.

— Значит, приняли.

— Посмотрим.

— Северин.

— Что?

— Я тебя знаю.

Он опустил глаза, но она успела заметить улыбку.

В эту минуту в нём было столько спокойного счастья, что Оливия вдруг почувствовала почти физическую боль. Не от грусти — от любви. От того, что он шёл к этому так долго. Через отцовскую тень, через потери, через Англию, через Москву, через бессонные ночи и чужие операционные. И теперь, в этом огромном городе, он наконец стоял на своём месте.

А она весь день искала своё.

Эта мысль вернулась неожиданно.

Сначала тихо.

Потом сильнее.

Она рассказала ему о прогулке.

О Коламбус-Серкл, где город кружился вокруг неё, будто карусель из машин, людей и стекла.

О Центральном парке, который днём показался ей не киношным, а почти одиноким — потому что там каждый человек жил своей жизнью, и никто не знал, кто она такая.

О Пятой авеню.

О витрине Tiffany.

— Я стояла и думала про Одри Хепбёрн, — сказала она, улыбнувшись.

Денис посмотрел на неё с нежностью.

— Конечно.

— Почему "конечно"?

— Потому что ты всегда видишь историю раньше вещи.

Она замолчала.

Вот именно.

Истории.

Она всегда искала их — в людях, в домах, в письмах, в случайных взглядах, в чужих городах. А сегодня впервые испугалась, что может потерять это в себе. Стать женщиной, которая ждёт мужа с работы в красивой квартире над Центральным парком и живёт не своей жизнью, а отражением чужой мечты.

Она любила Дениса.

Больше жизни.

Но любовь, даже самая настоящая, не должна была становиться клеткой. Даже золотой. Даже с видом на Манхэттен.

— Ты сегодня слишком тихая, — сказал он.

Оливия подняла глаза.

— Правда?

— Да.

Он смотрел на неё внимательно.

Слишком внимательно.

Так, как умел смотреть только он — будто не на лицо, а сразу туда, где человек пытается что-то спрятать.

— Что случилось, Лив?

Её сердце болезненно сжалось.

Она знала: если сейчас промолчит, то предаст уже не его — себя.

— Денис...

Он сразу насторожился.

Не заметно для чужого глаза.

Но она знала каждое изменение в нём.

— Что?

— Я сегодня сделала то, о чём должна была сначала поговорить с тобой.

Тишина стала плотнее.

За окнами продолжал шуметь город, но внутри квартиры будто вдруг опустилось стекло.

— Что ты сделала?

Оливия медленно вдохнула.

— Я позвонила твоей маме.

Денис не сразу понял.

Или не захотел понять.

Он просто смотрел на неё, как смотрят на человека, кото-

рый вдруг произнёс слово из забытого языка.

— Кому?

— Твоей маме.

Он встал.

Стул тихо скрипнул по полу.

В этом звуке было что-то окончательное.

— Ты позвонила моей матери?

— Да.

— За моей спиной?

— Да.

Она не стала оправдываться.

Именно это, кажется, разозлило его сильнее.

В лице его не было крика.

Но весь он изменился. Стал жёстче. Холоднее. Как будто внутри него за один миг поднялась старая, давно знакомая оборона.

— Кто дал тебе право?

— Никто.

— Тогда зачем?

— Потому что я не могу больше смотреть, как ты живёшь с этим.

Он усмехнулся.

Тихо.

Зло.

— С чем — "с этим"?

— С вопросом, который мучает тебя всю жизнь.

— Ты решила, что знаешь, что меня мучает?

— Я вижу.

— Ты видишь только то, что я позволил тебе видеть.

Эти слова ударили сильно.

Оливия побледнела.

— Вот как?

Он понял, что сказал лишнее.

Но уже не остановился.

Боль иногда делает человека жестоким быстрее, чем злость.

— Да. Вот так.

— Значит, я всё-таки чужая?

— Не передёргивай.

— Нет, Денис. Не передёргиваю. Ты только что сам это сказал.

Он провёл рукой по лицу.

— Оливия, не начинай.

— Не начинать? — она засмеялась, но в этом смехе уже стояли слёзы. — Ты правда думаешь, что это я начала?

— Это моя мать.

— Это твоя боль.

— Именно. Моя.

— А я кто?

Он молчал.

И это молчание стало хуже ответа.

— Я кто, Денис? Женщина, которую можно любить, пока

она не подходит слишком близко?

— Не говори ерунды.

— Тогда скажи мне правду!

— Правду? — он резко повернулся к ней. — Правда в том, что ты не имела права лезть туда, куда тебя не звали.

Она отшатнулась.

Не телом.

Внутри.

Словно между ними вдруг раскрылась не трещина, а пропасть.

— Лезть?..

Он замолчал.

Слишком поздно.

Слово уже прозвучало.

Оно осталось в комнате — грубое, чужое, непоправимое.

Оливия смотрела на него широко открытыми глазами.

— Понятно.

— Лив...

— Нет.

Она отступила.

— Не надо.

— Я не это имел в виду.

— Именно это.

— Оливия.

— Не трогай меня.

Она пошла в спальню.

Денис шагнул следом.

— Куда ты?

— Подышать.

— Мы не закончили.

Она резко обернулась.

— А я закончила.

Она открыла гардеробную.

Её рука сама потянулась к полке.

Белые кроссовки.

Утром они были шуткой.

Накануне — нежной глупостью, придуманной Денисом.

Но для Оливии они никогда не были просто обувью.

В Англии она впервые надела их не ради удобства, а потому что не могла больше стоять там, где от неё ждали покорности чужим правилам.

Белые кроссовки были не про моду.

Они всегда были про побег.

Про вызов.

Про то мгновение, когда женщина выбирает не остаться красивой, а уйти свободной.

Она сунула ноги в кроссовки почти не глядя.

— Оливия, стой.

— Нет.

— Ты одна в чужом городе.

— Сейчас этот город кажется мне не таким чужим, как ты!

Он замер.

Вот теперь она ударила.

И ударила точно.

Она схватила телефон и вышла.

Дверь закрылась не громко.

Но Денису показалось, что от этого звука в квартире дрогнули стены.

Он остался один.

Среди света.

Среди вечернего Манхэттена за окнами.

Среди слов, которые уже нельзя было вернуть.

Первые минуты он злился.

На неё.

На себя.

На мать.

На этот звонок.

На прошлое, которое, казалось, наконец утонуло где-то за годами, но стоило прозвучать лишь одному голосу в трубке — и оно поднялось со дна живым, мокрым, тяжёлым.

Потом злость начала уходить.

А вместо неё пришёл страх.

Сначала тихий.

Почти незаметный.

Он посмотрел на дверь.

Прошло пять минут.

Десять.

Он взял телефон.

Набрал её номер.

Длинные гудки.

Она не ответила.

Он набрал снова.

И снова.

С каждым разом гудки становились не звуком, а ударами.

Нью-Йорк за окнами вдруг стал другим.

Не красивым.

Не сияющим.

Не городом мечты, в который они прилетели начинать новую жизнь.

А огромным, чужим, вечерним городом, где можно свернуть не туда, где одинокая женщина с заплаканным лицом слишком заметна и слишком беззащитна, даже если вокруг тысячи людей.

Он набрал ещё раз.

— Возьми трубку, Лив...

Ответа не было.

Тогда он позвонил Роберту.

Тот снял почти сразу.

— Dennis?

— Она ушла.

На другом конце стало тихо.

— Что значит ушла?

— Мы поссорились.

— Сильно?

Денис закрыл глаза.

— Да.

— Что ты сказал?

Он молчал.

Роберт выдохнул.

— Dennis. Что ты сказал?

— Я сказал... что она не имела права лезть в мою жизнь.

Пауза.

Долгая.

Очень неприятная.

— Чёрт, — тихо сказал Роберт.

Денис сжал телефон.

— Она не отвечает.

И в этой фразе уже не было гордости.

Только страх.

— Она одна, Роберт. Вечер. Она почти не знает город.

— Дыши.

— Не говори мне дышать.

— Тогда слушай. Она в белых кроссовках?

Денис резко обернулся к гардеробной.

Пустое место на полке ответило раньше него.

— Да.

— Значит, она сбежала.

— Какая разница?

— Большая.

Голос Роберта стал совершенно серьёзным.

— Она не прячется, когда ей больно. Она идёт туда, где шумно. Где свет. Где можно потеряться среди людей и всё равно не быть одной.

Денис молчал.

И вдруг понял.

— Таймс-сквер.

— Думаю, да.

— Я еду.

— Я тоже попробую до неё дозвониться.

— Спасибо.

— Dennis.

— Что?

— Если найдёшь её первым, не приходи правым.

Денис не ответил.

Он уже знал, что Роберт прав.

...

Таймс-сквер горел так, будто вся ночь Нью-Йорка собралась в одном месте.

Свет бил сверху, сбоку, из окон, с экранов, с фасадов, из движущихся реклам, из сотен телефонов, поднятых к небу. Люди смеялись, фотографировались, спорили, покупали хот-доги, оборачивались на уличных музыкантов. Здесь никто не мог быть один — и именно поэтому здесь одиночество становилось особенно острым.

Оливия сидела на скамейке под огромным угловым билбордом.

Перед ней менялись лица, города, слова, цвета.

Мир вокруг был безумно красив.

И совершенно равнодушен.

Она смотрела на этот свет сквозь слёзы и думала, что виновата.

Конечно, виновата.

Она не должна была звонить.

Не должна была касаться чужой боли без разрешения.

Не должна была думать, что любовь даёт право открывать любые двери.

Но он тоже не имел права.

Не имел права делать её чужой.

Не имел права говорить с ней так, будто она случайно оказалась в его жизни и нарушила порядок вещей.

Она вытерла слёзы рукавом американской толстовки.

На экране над площадью вдруг сменилось изображение — вспыхнул яркий белый свет, и на мгновение весь Таймсквер стал похож на огромную сцену, где шёл спектакль без начала и конца.

Когда-то она мечтала увидеть это место.

Ей казалось, что здесь человек обязательно почувствует себя счастливым.

А теперь она сидела под самыми яркими огнями мира и понимала: ни один город не спасает человека от боли, если боль приходит вместе с тем, кого любишь.

Телефон завибрировал.

Денис.

Она смотрела на экран, пока звонок не оборвался.

Потом снова.

И снова.

Она не взяла.

Не потому, что хотела наказать.

А потому что если услышит его голос сейчас — заплачет так, что уже не сможет остановиться.

Через несколько минут позвонил Роберт.

Она закрыла глаза.

И всё-таки ответила.

— Lass...

В его голосе не было привычной шутки.

Только тревога.

— Где ты?

Оливия долго молчала.

Потом прошептала:

— Таймс-сквер.

— Сиди там. Никуда не уходи.

— Роберт...

— Никуда, lass. Слышишь?

Она кивнула, хотя он не мог её видеть.

— Да.

Он отключился.

И тогда она поняла, что Денис уже знает.

Он пришёл быстро.

И всё равно ей показалось, что прошла вечность.

Она не увидела его сразу.

Сначала почувствовала.

Так бывает только с людьми, которые стали частью твоей жизни глубже, чем дыхание.

Он сел рядом.

Не сказал ни слова.

Некоторое время они просто сидели под огромными экранами.

Нью-Йорк ревел вокруг них, как море, но между ними была тишина.

Не мирная.

Не лёгкая.

Тяжёлая.

Раненая.

Живая.

— Уходи, — сказала она наконец.

Голос её был хриплым от слёз.

— Нет.

— Я не хочу с тобой говорить.

— Знаю.

— Тогда зачем пришёл?

Он долго смотрел прямо перед собой.

На свет.

На людей.

На город, в котором ещё утром они пытались начать но-

вую жизнь.

— Потому что ты ушла.

Она горько усмехнулась.

— Ты сам меня выгнал.

— Нет.

— Да.

Он повернулся к ней.

И впервые за вечер она увидела не злость.

Не холод.

Страх.

Настоящий.

Голый.

— Я испугался, Лисенок.

Она молчала.

— Не когда ты сказала про неё.

Тогда я разозлился.

Испугался я потом.

Когда понял, что тебя нет.

Она отвернулась.

— Ты сделал мне больно.

— Знаю.

— Нет, Денис. Не знаешь.

Он принял это.

Не стал спорить.

Не стал защищаться.

— Наверное, не знаю.

Она посмотрела на него.

Слёзы снова стояли в глазах.

— Я была неправа, что позвонила ей без тебя.

Он опустил взгляд.

— Да.

— Но ты не имел права говорить со мной так.

— Знаю.

— Ты сказал, что я лезу в твою жизнь.

Слова прозвучали снова.

И даже здесь, среди шума Таймс-сквер, они остались такими же острыми.

Денис закрыл глаза.

— Прости.

Она молчала.

— Я ударил туда, куда не имел права.

— Почему?

Он долго не отвечал.

На экранах менялись цвета.

Красный.

Синий.

Белый.

Золотой.

Они падали на его лицо, и Оливии вдруг показалось, что свет этого города безжалостно показывает всё, что человек обычно прячет в темноте.

— Потому что ты открыла дверь, которую я держал за-

крытой слишком долго.

— Я не хотела ломать её.

— Знаю.

— Я хотела, чтобы ты перестал стоять перед ней один.

Он посмотрел на неё.

И что-то в его взгляде дрогнуло.

Не сломалось.

Нет.

Денис никогда не ломался быстро.

Но дрогнуло.

Она тихо продолжила:

— Я не прошу тебя простить её.

Не прошу понять.

Не прошу принять.

Я прошу только услышать.

Хотя бы один раз.

Не ради неё.

Ради себя.

Он молчал.

Потом спросил:

— Что ты успела услышать?

— Почти ничего.

— Почему?

— Потому что остановилась.

— Зачем?

— Потому что дальше ты должен был быть рядом.

На этот раз он не ответил.

Только смотрел на неё так, будто впервые за вечер действительно услышал.

— Я спросила, каким ты был маленьким, — сказала Оливия.

Денис отвернулся.

Очень быстро.

Но она успела увидеть.

Боль.

Не ту, что бывает от обиды.

Другую.

Детскую.

Старую.

— И что она сказала?

— Что ты был серьёзным мальчиком.

Денис не улыбнулся.

Но его пальцы медленно нашли её руку.

Она не сразу позволила.

Пару секунд держалась.

Потом устала бороться.

И переплела свои пальцы с его.

— Конечно, — тихо сказала она. — Ты же Северин.

Вот теперь он почти улыбнулся.

Совсем чуть-чуть.

Так, что это мог заметить только тот, кто любил его много лет.

Они сидели на Таймс-сквер, в самом шумном месте города, где невозможно было услышать собственные мысли.

Но именно здесь впервые за этот вечер между ними стало не легче — честнее.

Денис долго смотрел на их руки.

Потом произнёс:

— Я не знаю, смогу ли я с ней встретиться.

— Я знаю.

— И не знаю, смогу ли простить.

— Я не прошу.

— А чего ты просишь?

Оливия посмотрела на огромный светящийся экран перед ними.

Потом на него.

— Не оставлять эту боль вместо ответа.

Он молчал.

Где-то рядом смеялись туристы.

Кто-то уронил стакан.

Музыкант на углу начал играть знакомую мелодию.

Нью-Йорк продолжал жить.

Безжалостно.

Великолепно.

Равнодушно.

И в этом равнодушии почему-то было спасение: город не спрашивал, кто прав, кто виноват, кто кого ранил первым. Он просто давал им место, где можно было сидеть рядом и

не притворяться, что всё уже прошло.

— Поехали домой, — тихо сказал Денис.

Она посмотрела на него.

— Домой?

— Да.

И после паузы добавил:

— Если ты ещё хочешь.

Оливия опустила глаза на белые кроссовки.

Белые.

Упрямые.

Слишком яркие в грязном свете площади.

Она устало улыбнулась.

— Хочу.

Он встал первым.

Подав ей руку.

Она приняла.

И они пошли сквозь толпу — не примирённые до конца,
не успокоенные, не спасённые от прошлого.

Но вместе.

А этого на тот вечер было достаточно.

Глава 10

Есть счастье, которое приходит шумно.

О нём потом рассказывают друзьям.

Его фотографируют.

Его празднуют.

А есть другое.

Оно приходит так тихо, что человек не сразу замечает его.

Однажды утром он просыпается, открывает окно и вдруг понимает, что жизнь наконец перестала быть борьбой.

Больше не нужно ничего доказывать.

Не нужно ждать писем.

Не нужно считать дни до встречи.

Не нужно бояться телефонного звонка, который всё изменит.

Можно просто жить.

И, наверное, именно в эту минуту счастье становится особенно опасным.

Потому что человек перестаёт замечать, как один день начинает становиться похожим на другой.

Америка постепенно переставала быть для них новой.

Прошло несколько месяцев.

Город, ещё недавно похожий на декорации любимых фильмов, незаметно превратился в место, где начиналась их обычная жизнь.

Каждое утро было почти одинаковым.

Будильник звонил без четверти шесть.

Денис вставал первым.

На кухне тихо шумела кофемашина.

Из открытого окна тянуло прохладным воздухом раннего Манхэттена.

Пока Нью-Йорк только открывал глаза, они уже спускались на улицу.

Центральный парк встречал их так, словно ждал.

Сначала длинная аллея.

Потом маленький каменный мост.

Озеро, над которым ещё висел лёгкий туман.

Бегуны.

Велосипедисты.

Пожилые супруги, державшиеся за руки так крепко, будто прожили вместе целую вечность и всё ещё боялись потерять друг друга.

Оливия любила эти утренние часы.

В них ещё не было городской суеты.

Манхэттен словно забывал, что он один из самых шумных городов мира, и становился почти похож на большой парк, случайно окружённый небоскрёбами.

Иногда Денис убегал чуть вперёд.

Потом обязательно останавливался.

Ждал её.

Она делала вид, что сердится.

Он смеялся.

И снова бежал рядом.

После пробежки они заходили в маленькую кофейню возле Коламбус-Серкл.

Бариста уже давно перестал спрашивать их заказ.

Едва увидев их через стекло, он только улыбался.

— Good morning, Denis.

— Good morning, Olivia.

Через минуту на стойке уже стояли две бумажные чашки.

Одна — чёрный кофе.

Другая — большой латте с корицей.

Денис всегда удивлялся, как быстро американцы запоминают людей.

А Оливии казалось, что дело совсем не в памяти.

Просто в этой стране было принято замечать друг друга.

Даже если встреча длилась всего несколько секунд.

Потом они возвращались домой.

Денис быстро собирался.

Белая рубашка.

Галстук.

Пиджак.

Она до сих пор иногда останавливалась в дверях спальни и просто смотрела, как он завязывает галстук перед зеркалом.

Ей всегда казалось удивительным, что человек, который вечером может час смеяться вместе с ней над какой-нибудь ерундой, утром становится совсем другим.

Собранным.

Спокойным.

Будто внутри него существовал выключатель, который переводил его из мира дома в мир, где от его решений зависели чужие жизни.

Он подходил к ней.

Целовал в лоб.

Почти каждый день говорил одну и ту же фразу:

— До вечера, Лив.

Она улыбалась.

— До вечера.

Дверь закрывалась.

И квартира становилась необыкновенно тихой.

Сначала ей нравилась эта тишина.

Можно было читать.

Писать.

Гулять.

Бродить по городу без карты.

Заходить в книжные магазины.

Часами сидеть в Центральном парке.

Смотреть на людей.

Запоминать лица.

Пытаться угадывать чужие истории.

Она открывала Нью-Йорк так же, как когда-то открывала Лондон.

Жадно.

Влюблённо.

Каждый день приносил что-то новое.

Но однажды она вдруг поймала себя на мысли, что новых открытий становится всё меньше.

Она уже знала, где продаются самые вкусные бейглы.

В каком магазине играет лучший джаз.

В какой день меняют витрины Tiffany.

Когда солнечный свет ложится на Пятую авеню так, что стеклянные фасады становятся похожи на огромные зеркала.

Она всё чаще ловила себя на том, что идёт привычной дорогой.

Поворачивает на знакомом перекрёстке.

Садится на одну и ту же скамейку.

Заказывает один и тот же кофе.

Нью-Йорк постепенно становился родным.

Но однажды ей стало страшно от другой мысли.

Она знала этот город.

А город ничего не знал о ней.

Осень пришла почти незаметно.

Сначала деревья в Центральном парке начали осторожно желтеть.

Потом вспыхнули клёны.

Воздух стал прозрачнее.

По утрам пахло влажной листвой и кофе.

Американская осень оказалась именно такой, какой она представляла её ещё девочкой.

Словно сошла с экрана старых фильмов.

Тихие улицы.

Жёлтые школьные автобусы.

Маленькие кофейни с тыквенными пирогами.

Люди в длинных пальто, спешащие куда-то со стаканчиками горячего кофе.

Она когда-то мечтала увидеть всё это своими глазами.

Теперь она здесь жила.

Каждый вечер она ждала Дениса.

Сначала просто радовалась его возвращению.

Потом начала смотреть на часы.

Потом стала ловить себя на том, что после обеда уже думает только о том, когда он откроет дверь.

И однажды её испугала простая мысль.

Весь её день был дорогой к вечеру.

Она долго сидела у окна, наблюдая, как люди спешат по Бродвею.

Каждый нёс с собой какую-то цель.

Чью-то встречу.

Работу.

Мечту.

А она...

Ждала.

Не потому, что ей было плохо.

Не потому, что она была несчастлива.

Напротив.

Она любила этот дом.

Любила человека, который возвращался сюда каждый вечер.

Любила город за окном.

Но где-то глубоко внутри начинало расти чувство, которого раньше никогда не было.

Будто её собственная жизнь осторожно уступала место жизни Дениса.

И это пугало её сильнее любого одиночества.

В тот вечер Денис вернулся позже обычного.

Он вошёл в квартиру, поцеловал её, привычно спросил, как прошёл день.

Она улыбнулась.

Ответила:

— Хорошо.

И вдруг поняла, что уже не может вспомнить, чем сегодняшней день отличался от вчерашнего.

Денис долго смотрел на неё.

Потом молча снял пальто.

Поставил портфель.

И только после ужина неожиданно спросил:

— Лив...

Она подняла голову.

— Что?

Он немного помолчал.

Будто боялся ошибиться.

— Когда ты в последний раз что-нибудь писала?

Вопрос прозвучал так неожиданно, что она не сразу нашла ответ.

Она посмотрела на книжный шкаф.

На полку, где лежал её старый блокнот.

Он не открывался уже несколько месяцев.

И впервые за всё это время ей стало по-настоящему страшно.

Потому что ответа на вопрос Дениса у нее не было.

Она ещё долго сидела молча.

Денис ушёл в спальню.

В квартире стало тихо.

Она смотрела в окно.

Где-то далеко за стеклом жил вечерний Нью-Йорк.

Тысячи людей спешили домой.

Разговаривали.

Смеялись.

Влюблялись.

Начинали новую жизнь.

А она вдруг поймала себя на странной мысли.

Совсем недавно ей казалось, что каждый прожитый день достоин того, чтобы о нём рассказать.

Тихое счастье оказалось удивительно незаметным.

Оно не просило слов.

И именно это испугало её больше всего.

Она впервые подумала:

«А если однажды мне больше нечего будет сказать?»

Эта мысль пришла неожиданно.

И не уходила.

За окном продолжал шуметь огромный город.

Но этой ночью Оливия впервые почувствовала, что, возможно, потерять свой голос страшнее, чем однажды потерять дорогу.

На следующее утро Нью-Йорк решил заговорить с ней первым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.